

4
2015

Rhema. Рема

Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова
Филологические науки

литературоведение

языкознание

А.В. Циммерлинг, М.В. Трубина

Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям¹

В статье обсуждается два типа приоритетных актантов русского языка – так называемые дативные подлежащие при несогласуемых именных предикативах класса «холодно», «приятно», «противно» и сентенциальные подлежащие, выраженные придаточными и инфинитивными оборотами. Доказывается, что инфинитивные обороты могут попадать в позицию подлежащего лишь при соблюдении ряда формальных и коммуникативных условий – при отсутствии извлечений из состава оборота и при топиализации всего оборота. Доказывается также, что устранение дативного подлежащего, вопреки ранее высказывавшимся гипотезам, не всегда приводит к смене предикатного значения.

Ключевые слова: подлежащее, грамматический приоритет, сильные подлежащие, слабые подлежащие, внутренние аргументы, дативные подлежащие, сентенциальные подлежащие, нулевые подлежащие, предикаты состояния, коммуникативная перспектива, русский язык.

Работа имеет следующую структуру. В первых двух разделах мы обсуждаем понятие приоритетного актанта и гипотезу о так называемых слабых подлежащих. В третьем разделе обсуждаются условия выдвижения инфинитивных оборотов в позицию подлежащего. В заключительном, четвертом, разделе обсуждаются предикатные значения, выражаемые в предложениях с предикативом при отсутствии именной группы со значением дат. п. лица.

1. Понятия подлежащего и приоритетного актанта

В русской грамматической традиции со времен А.А. Шахматова [16] сложился примерный консенсус по поводу того, какие структурные типы предложений являются полными, а какие неполными. Напротив, согласия в вопросе о том, какие структуры являются подлежащими, а какие –

¹ Статья написана при поддержке гранта РНФ 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

Авторы благодарны И.А. Мельчуку и Е.А. Рудницкой за критические замечания и дискуссию и Е.А. Лютиковой за обсуждение отдельных аспектов анализа. Вся ответственность за недочеты и ошибки целиком лежит на авторах статьи.

бесподлежащими, нет. Это можно объяснить тем, что термины «подлежащее» и «приоритетный актант» обозначают теоретические конструкции, предполагающие предварительный анализ соотносимого феномена, отнюдь не являясь ярлыками для непосредственно наблюдаемых эмпирических данных¹. Вопрос о том, какие именно типы предложений следует считать двусоставными, остается предметом дискуссии в отечественной и зарубежной русистике. Его решение зависит от того, какие критерии подлежащности используются в той или иной теории и признаются ли в ней три типа подлежащеподобных актантов: сентенциальные подлежащие, нулевые подлежащие и подлежащие в косвенном падеже. В общем виде гипотеза о подлежащеподобных актантах, противопоставленных дополнениям, формулируется с опорой на понятие грамматического приоритета [15, с. 320]. Ключевым свойством приоритетных актантов является то, что они исключены из группы сказуемого и удовлетворяют тому же критерию (i), которому удовлетворяют и канонические подлежащие в данном языке.

- (i) В монопредикатном предложении может быть лишь один приоритетный актант, исключенный из группы сказуемого и находящийся в отношении грамматического приоритета к другим ИГ в данном предложении.

1.1. Неопределенно-личные и переходные безличные предложения

В традиции, восходящей к работам А.А. Шахматова, в том числе, в школьной грамматике, предложения типа *Галину сняли с работы*, указывающие на то, что действие произведено некоторым неназванным одушевленным участником, референция которого не уточнена, признаются неопределенно-личными структурами без подлежащего. В модели «Смысл – Текст» данные предложения анализируются как двусоставные структуры с нулевой лексемой $\emptyset^{\text{People}}$ (в интерпретации А.В. Циммерлинга [42; 43, с. 255] – «нулевое местоимение 3 л. мн. ч. с ролевой семантикой агенса, неопределенной референцией и признаком одушевленности») в позиции синтаксического подлежащего, контролирующего согласовательную форму предиката [36, с. 180]. Между концепциями школьной грамматики и моделью «Смысл – Текст» много различий, но в данном случае разная трактовка обсуждаемой конструкции определяется тем, что И.А. Мельчук и его последователи признают существование нулевых

¹ Мы не хотим сказать, что понятия синтаксической полноты и неполноты непосредственно даны в опыте. Напротив, мы предполагаем, что предварительное определение всей совокупности полных предложений языка L должно предшествовать анализу в терминах синтаксической структуры и выдвижению гипотез об эллипсисе [15, с. 271–272; 22, с. 561–568].

подлежащих, а авторы, следующие за А.А. Шахматовым, – нет. Аналогичным образом переходные безличные предложения типа *Крышу завалило снегом*, указывающие на то, что процесс, затронувший эксплицитно выраженный пациенс, маркированный вин. п., не контролируется никаким одушевленным агенсом, в традиции, восходящей к работам А.А. Шахматова, считаются односоставными структурами и не выделяются из общей массы безличных предложений. Напротив, в работах И.А. Мельчука и его последователей переходные безличные предложения анализируются как двусоставные структуры с нулевой лексемой $\emptyset^{\text{Elements}}$ (в интерпретации А.В. Циммерлинга [42; 43, с. 255] – «нулевое местоимение 3 л. ед. ч. с ролевой семантикой агенса, неопределенной референцией и признаком неодушевленности») в позиции синтаксического подлежащего, контролирующего согласовательную форму предиката.

Примем анализ И.А. Мельчука для данных двух конструкций и обозначим нулевые подлежащие с заданной ролевой семантикой агенса и неопределенной референцией просто как $\emptyset^{3\text{PL}}$ и $\emptyset^{3\text{SG}}$, поскольку согласовательная форма предиката скоррелирована в современном русском языке с признаком [+ одушевленность], выражаемым нулевым подлежащим местоимением: нулевое нереференциальное подлежащее с ролью одушевленного агенса требует 3 л. мн. ч., а нулевое нереференциальное подлежащее с ролью неодушевленного агенса требует 3 л. ед. ч. Для краткости мы будем говорить о нулевых подлежащих с заданными ролевыми и референциальными свойствами как о «нулях Мельчука».

Напомним две характеристики нулей Мельчука. Во-первых, предложения с $\emptyset^{3\text{PL}}$ могут обозначать контролируемые (в семантическом смысле) ситуации, а предложения с $\emptyset^{3\text{SG}}$ всегда обозначают неконтролируемые ситуации (1a-b).

(1) а. Обочину дороги $\emptyset^{3\text{PL}}$ завалили снегом (случайно, по недосмотру, или умышленно).

б. Обочину дороги $\emptyset^{3\text{SG}}$ завалило снегом (*умышленно, *по недосмотру, *случайно¹).

¹ Любопытно, что вопреки ассертивному значению слова *случайно*, тест на сочетаемость с наречием *случайно* показывает, что оно почти не сочетается с предикатами, обозначающими неконтролируемые события. Ср. *Вася случайно заехал в город N. Бумага случайно оказалась на столе. Вася случайно обмолвился. Вася случайно упал. Но *Оползень случайно сошел с гор; *Крышу случайно засыпало снегом именно вчера; *Вася случайно сошел с ума. Не сочетается данное наречие и с большинством предикативов типа X-у холодно, напротив, надо и т.п., ср. *Васе случайно стало холодно; *Васе случайно стало надо попасть в архив. ??Васе случайно стало можно попасть на охраняемую территорию из-за того, что в заборе образовалась дыра.*

Во-вторых, $\emptyset^{3PL}$ может выступать контролером (в синтаксическом смысле) возвратного местоимения и подлежащего зависимого деепричастного оборота (2a-b).

(2) а. В своем_i доме обычно $\emptyset^{3PL}_i$ не гадают_i.

б. [_{IP} PRO_i Снявши_i голову], по волосам $\emptyset^{3PL}_i$ не плачут_i.¹

Анализ в терминах нулей Мельчука для двух данных конструкций уместен благодаря сочетанию универсального и лингвоспецифического факторов. Семантические роли пациенса и агенса соотносительны, при расширительной трактовке понятия агентивности производителем действия можно считать и неконтролируемый источник энергии, т.е. стихийную силу в примере 1b. Благодаря особенностям морфосинтаксиса современного русского языка, в нем сложилось дополнительное распределение нулевых подлежащих с характеристикой неодушевленного и одушевленного неферентного агенса (1a-b). В прочих безличных конструкциях русского языка столь же прозрачное сочетание ролевой семантики с синтаксической структурой не просматривается, поэтому нужно проверять иные гипотезы.

1.2. Прочие безличные конструкции

Л. Бэбби стоит на позиции доверия к поверхностно-синтаксической схеме и отрицает, что какие-либо безличные предикаты русского языка, ср. *светает, дует, меня тошнит, мне холодно* и т.п., предполагают позицию подлежащего, которая могла бы быть заполнена ненулевой или нулевой формой [29]. Без ответа остается вопрос, почему бесподлежащие предложения вообще порождаются грамматикой русского языка, которая, как обычно считают, ориентирована на двусоставные структуры с заполненной позицией подлежащего². Первичных безличных глаголов, для которых ориентацию на схемы без выраженного на поверхностном уровне подлежащего можно считать заданной словарной характеристикой (ср. *светает, тошнит*), в русском языке достаточно мало, при этом

¹ Здесь и далее нижний индекс _{IP} обозначает нефинитную клаузу, а символ PRO – предполагаемое нулевое подлежащее нефинитной клаузы.

² В известной статье И.Ш. Козинского [8] была предпринята попытка доказать, что в русском языке категории подлежащего нет. Данный вывод в большей мере характеризует не особенности русской грамматики, а недостатки подхода И.Ш. Козинского, который вначале принимает гипотезу Кинена о континууме свойств подлежащего в языках мира, а затем делает вывод о подложности тех или иных выражений конкретного языка по совокупности присущих им предположительно универсальных подлежащих свойств. Тесты И.Ш. Козинского подробно обсуждаются Я.Г. Тестельцом [15, с. 342–347]. Ср. также статью А.В. Циммерлинга [25, с. 588].

неочевидно, отличается ли синтаксис и семантика в парах типа *светает* ~ *дует*, *Васю стошнило* ~ *Васю вырвало*, хотя глаголы во вторых членах пар (*дует*, *вырвать*) параллельно сохраняют возможность употребления в двусоставных структурах (ср. *Ветер дует с востока. Вася вырвал свою руку из руки журналиста*), а глаголы в первых членах пар (*светать*, *стошнить*) – нет.

И.А. Мельчук постулирует для разных безличных конструкций разные типы нулевых подлежащих: $\emptyset^{EGO}$ для предложений типа *Мне холодно/больно/смешно*, с семантическим субъектом в вин. или дат. п., а $\emptyset^{Surroundings}$ – для предложений без семантического субъекта типа *Здесь холодно/грязно/накурено* [36, с. 188]. Он допускает, что инвентарь нулевых подлежащих русского языка вполне может быть расширен. Но такой анализ не дает новой информации о свойствах нулей и равнозначен признанию, что за разными поверхностно-синтаксическими схемами русских безличных предложений стоит разная обобщенная семантика. Также встает вопрос, почему русские предикативы класса *холодно*, которые в работах Л.В. Щербы [19, с. 90] и его последователей были отнесены к т.н. категории состояния, ср. работы В.В. Виноградова [4], Н.С. Пospelова [13], А.В. Исаченко [7], А.В. Циммерлингa [20, с. 69], в разных поверхностно-синтаксических схемах (*здесь холодно* vs. *мне холодно*) выбирают разные типы нулевых подлежащих. Косвенный ответ на данный вопрос можно найти в работах по синтаксической семантике. Г.А. Золотова [6, с. 269] и Т.В. Булыгина [3, с. 32], обсуждая предложения типа [*Кататься на лыжах*] – *весело*, [*Играть в шахматы*] – *интересно*, признают их двусоставными структурами с инфинитивом (или инфинитивной группой) в позиции подлежащего и отрицают, что в предложениях подобного типа выражается то же самое предикатное значение состояния, которое реализуется в схеме с внешне выраженной ИГ со значением дат. п. лица в примерах *мне холодно*. Значение состояния предполагает конкретного носителя состояния и конкретную референтную ситуацию [14, с. 121–126; 27, с. 54; 32], в то время как предложения типа [_{IP} *Играть в шахматы*] – *интересно* с предполагаемым инфинитивным подлежащим при предикативе отсылают к родовой, генерической ситуации.

Попытка объединить анализ конструкций с предикативами класса *холодно*, *интересно* в терминах нулей Мельчука $\emptyset^{EGO}$, $\emptyset^{Surroundings}$ с идеей Г.А. Золотовой и Т.В. Булыгиной о том, что предикативы данного класса способны принимать инфинитивные подлежащие, приводит к неудовлетворительному результату: в двух безличных конструкциях (3а-б) разные типы нулей противопоставлены друг другу, а в структуре с инфинитивным подлежащим (3с) нули исчезают. Запрета на одновременную

реализацию ИГ с дат. п. лица и инфинитивной группы в русском языке нет, поэтому приходится вернуться к вопросу о том, какая синтаксическая категория будет подлежащим в структурах типа 3d и есть ли там позиция подлежащего вообще.

(3) а. Здесь $\emptyset_{\text{Surroundings}}$ холодно и $\emptyset_{\text{Surroundings}}$ противно.

<конкретная референтная ситуация без одушевленного субъекта>

б. Васе было $\emptyset^{\text{EGO}}$ холодно и $\emptyset^{\text{EGO}}$ противно. <конкретная референтная ситуация с конкретным одушевленным субъектом>

с. $S_{[\text{IP}]}$ Стоять в течение получаса на ветру] холодно и противно. <генерическая ситуация, не предполагающая конкретного субъекта>.

д. Васе было холодно и противно $S_{[\text{IP}]}$ стоять в течение получаса на ветру]. <конкретная референтная ситуация с конкретным референтным субъектом>.

Мы заключаем, что введение разных нулей Мельчука для предложений 3а и 3б избыточно, а признание инфинитивного оборота подлежащим как в примере 3с, так и в примере 3д не объясняет разницы в предикатной семантике. Напомним, что гипотеза об инфинитивном подлежащем при предикативах изначально выдвигалась в 1970–1980 гг. именно для уточнения связи между семантикой и синтаксисом.

1.3. Сентенциальные подлежащие

Для европейской лингвистики стандартным является представление о том, что позиция подлежащего может замещаться сентенциальной составляющей – придаточным или инфинитивным оборотом [45, с. 711–713]. Академическая грамматика русского языка [17, с. 241–242] признает инфинитивные подлежащие, но отказывается признавать подлежащими финитные клаузы, не являющиеся цитатами. В модели «Смысл – Текст» обычно признаются оба типа сентенциальных подлежащих [11, с. 221; 12, с. 136; 37, с. 183]. Ю.Д. Апресян обратил внимание на способность ряда русских предикативов принимать сентенциальные подлежащие и сочетаться с элементами вроде безударного местоименного *это*. Он высказал мнение, что предикативы данного класса нельзя считать безличными, поскольку сентенциальным составляющим и элементам типа *это* может быть приписан признак «синтаксический имен. п.» [1, с. 304]¹.

¹ Теории, в которых принимается допущение о том, что при предикате, имеющем валентность на несентенциальное подлежащее в имен. п., данная валентность всегда

Если принять такой анализ, введение нуля Мельчука $\emptyset^{\text{EGO}}$ для конструкций с предикативом избыточно, т. к. от наличия внешне выраженной словоформы дативного субъекта выбор сентенциального подлежащего никак не зависит. Данный вывод отражает запись 4a-b, где верхний индекс S указывает на грамматическое подлежащее, а нижние индексы $_{\text{IP}}$, $_{\text{CP}}$ – на вид сентенциальной составляющей (инфинитивный оборот или придаточное).

- (4) а. $^S_{\text{IP}}$ Читать работы Петрова] полезно.
 б. Васе было интересно $^S_{\text{IP}}$ читать работы Петрова].
- (5) а. Поразительно, $^S_{\text{CP}}$ что многие чудаки предпочитают Леви-Стросса Пушкину]¹.
 б. Васе было странно, $^S_{\text{CP}}$ что многие чудаки предпочитают Леви-Стросса Пушкину].

1.4. Дативные подлежащие

С точки зрения современной синтаксической теории представление о том, что сентенциальная составляющая обладает приоритетом над ИГ в дательном падеже при предикатах типа *интересно*, *странно*, имеющих эксперенциального семантического субъекта, не является очевидным. Оба типа выражений трактуются в генеративной грамматике как внутренние аргументы, т.е. нисходящие валентности предиката [44]. При отсутствии внешнего аргумента, т.е. грамматического подлежащего с ролью Агенса, сохраняется возможность продвижения внутренних аргументов в позицию подлежащего. При определенных условиях в позицию подлежащего может попасть и ИГ в косвенном падеже. Это, с большой вероятностью, происходит в независимых инфинитивных предложениях схемы $N_{\text{dat}} - \text{Inf}$, где семантический субъект маркируется в русском языке дат. п. независимо от лексической семантики глагола, одушевленности или неодушевленности, ср. примеры 6 и 7.

- (6) S Васе еще работать и работать.
 (7) S Грузовикам здесь не проехать.

Поскольку дательный падеж в независимых инфинитивных предложениях не приписывается лексически, что впервые показано С. Франксом [30] – так, у глаголов *работать* и *проехать* нет нисходящей валентности

должна заполняться, в том числе, за счет вставки сентенциальных и нулевых подлежащих, Дж. Лавайн [35] удачно обозначил термином ‘nominative-first syntax’.

¹ Нижний индекс $_{\text{CP}}$ здесь и далее указывает на то, что группа имеет статус зависимой финитной предикации / придаточного.

на ИГ в дат. п., – наиболее естественное решение состоит в том, чтобы признать ИГ в дат. п. в примерах типа 6 и 7 не только семантическим субъектом, но и грамматическим подлежащим. Данное решение обосновано в работах Н. Кондрашовой [34] и А. Циммерлинга [43]¹.

(ii) финитные клаузы русского языка требуют подлежащего в именительном падеже, нефинитные клаузы – подлежащего в дательном падеже.

Возможно ли дативное подлежащее в финитных клаузах русского языка? Такая гипотеза была выдвинута в зарубежной лингвистике [38; 40] и затем обоснована в работах А. Циммерлинга [25, с. 579–580; 43, с. 255–261], где исследуются дативно-предикативные предложения типа 3b-d, 4b-d. В предложениях типа *X-у холодно и противно, X-у интересно читать работы Y-а, X-у странно, что P* дат. п. лица приписывается лексической вершиной и является внутренним аргументом предикатива. Тем не менее, он обнаруживает ряд свойств приоритетного актанта, т.е. аналога подлежащего.

Во-первых, само наличие валентности на дат. п. лица в структурах типа $N_{\text{dat}} - \text{Pred}$, $N_{\text{dat}} - \text{Pred} - \text{IP}$, $N_{\text{dat}} - \text{Pred}$, $N_{\text{dat}} - \text{Pred} - \text{CP}$ является семантически нетривиальным свойством и очерчивает класс предикативов внутреннего состояния [20, с. 72; 24; 28]. Число русских предикативов внутреннего состояния, имеющих валентность на дат. п. лица, достаточно велико (более 300 единиц, если считать не только лексемы, но и устойчивые выражения вроде *(мне) не к спеху*), но все же оно намного меньше числа предикативов, способных употребляться в схемах $\text{Pred} - \text{Inf}$ (*Опаздывать на час – неприятно; Списывать на экзамене – аморально*) и $\text{CP} - \text{Pred}$ (*Неприятно, что Вася опоздал*). Несогласуемые предикативы, которые не имеют валентности на дат. п. лица, выражают не значение состояния, но иные таксономические значения – они обозначают свойства среды или выражают оценку ситуации [21, с. 224; 28]; ср. *сегодня ветрено, здесь пыльно, это аморально, это алогично*, но не **мне ветрено, *всем пыльно, *мне аморально, *нам алогично*. Поэтому одушевленная ИГ в дат. п. является первым и основным типом приоритетных актантов, которые сочетаются с предикатами состояния класса *жалко, стыдно, холодно, неприятно*². Данный тип

¹ Альтернативу данному решению – постулировать для независимых нефинитных клауз русского языка нулевое подлежащее PRO и приписать признак дат. п. – мы в данной статье обсуждать не будем, см. работы Х.А. Сигурдссона [40] и Я.Г. Тестельца [15].

² В работах А. Циммерлинга [20, с. 73; 24, с. 553] и С.С. Сая [39] обоснована гипотеза о том, что для русских деадъективных предикативов (*противный* >> *X-у противно; тяжелый* >> *X-у тяжело* и т.п.) способность к употреблению в дативно-предикативном предложении является характеристикой самих словообразовательных основ.

актантов имеет мало общего с ИГ в дат. п., выступающими в роли подлежащего инфинитивных клауз в примерах 6 и 7. Подвести под один тип дативно-предикативные предложения вида $N_{\text{dat}} - \text{Pred} - \text{Inf}/\text{CP}$, где инфинитив факультативен, а сентенциальная составляющая, если она выражена, является внутренним аргументом предикатива, и дативно-инфинитивные предложения вида $N_{\text{dat}} - \text{Inf}$, где предикатив отсутствует, а инфинитив выступает в качестве вершины сказуемого¹, для русского языка невозможно, что показано в работах А. Циммерлинга [23, с. 488; 24, с. 550; 43, с. 261].

Во-вторых, предикативы, допускающие дативно-предикативное построение, лишены в современном русском языке валентности на несентенциальный аргумент в имен. п., ср. неграмматичные структуры **мне надо этот экзамен*, **мне стыдно эта проволочка*, **мне неприятно этот перенесенный праздник*. Поэтому считать, что сентенциальная составляющая в правильно построенных предложениях типа *Мне надо* [_{IP} сдать этот экзамен], *Мне стыдно за то*, [_{CP} что я допустил эту проволочку], *Мне неприятно*, [_{CP} что этот праздник опять перенесли] замещает позицию ИГ в имен. п., нельзя. Также необязательно приписывать сентенциальной составляющей в подобных предложениях признак «синтаксический имен. п.», к чему подталкивает анализ Ю.Д. Апресяна [1, с. 304] и И.А. Мельчука [11, с. 221]. Поскольку сентенциальная составляющая является внутренним аргументом, напрашивается вывод о том, что в предложениях типа *Мне надо* [_{IP} сдать этот экзамен], *Мне неприятно*, [_{CP} что этот праздник опять перенесли] при наличии внешне выраженной ИГ в дат. п. лица сентенциальная составляющая стоит в неподлежащей позиции и является дополнением.

В-третьих, в русском языке, как показано в работе А. Циммерлинга [43, с. 263], выдерживается дистрибутивное ограничение на одновременное использование сентенциального аргумента, ИГ с дат. п. лица и безударного коррелятивного слова *это*, имеющего непредметную референцию². Разрешены комбинации: 1) ИГ со значением дат. п. лица +

¹ Допустимо описание, при котором вершиной дативно-инфинитивного предложения признается не сам инфинитив, а вводящий его невидимый модальный операторный элемент $N_{\text{dat}} - \text{Mod} - \text{Inf}$, но даже если такой элемент вводить, он, как показала Н. Кондрашова [34], нигде не может быть визуализован или отождествлен с формами нулевой связки *быть*, которая представлена в дативно-предикативных предложениях $N_{\text{dat}} - \text{Aux} - \text{Pred}$. Попытка доказать обратное, предпринятая в работе Х.А. Сигюрдссона [40, с. 701], опровергается [43, с. 259].

² Графический омоним безударного коррелятивного слова *это* – эмфатическое некоррелятивное слово *это* – в статье не рассматривается.

сентенциальная составляющая; 2) ИГ со значением дат. п. лица + слово *это*; 3) сентенциальная составляющая + слово *это*. Запрещена комбинация *ИГ со значением дат. п. лица + сентенциальная составляющая + слово *это* [25, с. 579–581]. Такое распределение объясняется тем, что данные три типа выражений при предикативах, допускающих дативно-предикативное построение, конкурируют между собой при замещении позиции подлежащего. Приоритетный для каждой комбинации актант в примерах 8–13 помечен верхним индексом ^S.

(8) ^SМне приятно, [_{CP}что Вася принес свои извинения].

(9) Приятно, ^S[_{CP}что Вася принес свои извинения].

(10) *Это* приятно, ^S[_{CP}что Вася принес свои извинения].

(11) *Мне *это* приятно, [_{CP}что Вася принес свои извинения].

(12) ^SМне *это* приятно.

(13) ^S*Это* было очень приятно.

Непротиворечивое описание достигается при допущении, что кандидаты на роль подлежащего предикатива ранжированы в русском языке по следующей иерархии, учтенной выше в нотации примеров 8–13.

(iii) ИГ со значением дат.п. лица >> сентенциальная составляющая >> коррелятивное непредметное слово *это*.

Синтаксические выражения, способные выдвигаться в позицию подлежащего и конкурировать между собой, были названы *слабыми подлежащими* [Там же, с. 577]. Теория слабых подлежащих характеризуется ниже в разделе 2, а эмпирическое обобщение касательно слабых подлежащих при русских предикативах таково:

а) коррелятивное безударное *это* комбинируется с придаточным в том случае, если в главном предложении нет ИГ со значением дат. п. лица; см. корректный пример 10;

б) наличие в главном предложении ИГ со значением дат. п. лица блокирует употребление коррелятивного *это* при придаточном, ср. аномальный пример 11, недопустимый в литературном русском языке;

с) для ИГ с дат. п. лица в дативно-предикативном предложении доступна только одна позиция – слабого подлежащего;

д) для придаточного в дативно-предикативном предложении доступны две позиции – либо слабого подлежащего (примеры 9, 10), либо дополнения (пример 8);

е) для элемента *это* доступны три позиции: слабого подлежащего (пример 13), дополнения (пример 12) и неаргументного коррелятивного слова, своего рода формальной темы (пример 10).

1.5. Ситуативный элемент «это» в качестве подлежащего

Как известно, в русском языке нет подлинных формальных подлежащих, характерных для ряда европейских языков [22, с. 732–754; 45, с. 713–717]. Вместе с тем, местоименный элемент *это*, с морфологической точки зрения являющийся формой имен.-вин. п. ср. р. ед. ч. неодушевленного указательного местоимения 3 л., обнаруживает отдельные свойства, которые можно интерпретировать как тенденцию к его грамматикализации в функциях подлежащего, связки и маркера коммуникативного членения. В дативно-предикативных предложениях типа 12 и 13 безударное слово *это* не имеет дейктической функции и выступает в роли ситуативной анафоры/катафоры, отсылающей к некоторому пропозициональному содержанию, реконструируемому из вербального или невербального контекста. В данной функции элемент *это* является аналогом сентенциальной составляющей, что наглядно видно и за пределами дативно-предикативного построения, ср. примеры типа 14, которые демонстрируют схему $\{P\}_i$ Eto_i – Pred при предикативах *неправильно, бесчеловечно, нечестно*, не имеющих валентности на ИГ со значением дат. п. лица (**мне бесчеловечно*).

- (14) Ну, скажем, [_Sto, что происходит в Венгрии], абсолютно чудовищно при том, что Венгрия всегда считалась страной достаточно хорошо организованной, достаточно такой, расчисленной. Вот, главная претензия к ней заключается в этом_i. Не в том, что *это*_i^{ANAPH} как-то там неправильно, бесчеловечно, нечестно, нехорошо, некрасиво, незэтично или еще как-нибудь.

(Е. Гришковец)

2. Слабые подлежащие и сентенциальные составляющие

Теория сильных и слабых подлежащих предложена А. Циммерлингом [25, с. 576–584; 43, с. 262–264;]. Ключевым является критерий (iv).

- (iv) При наличии в языке нескольких типов приоритетных актантов и нескольких типов предикатных выражений, канонической является ситуация, когда предикатные выражения одного типа сочетаются с приоритетными актантами только одного типа.

Синтаксические выражения, удовлетворяющие критерию (iv), называются сильными подлежащими. В русском языке сильными являются: 1) подлежащие ИГ в имен. п. и замещающие их ненулевые местоимения в имен. п. – в финитных клаузах; 2) ИГ в дат. п. – в независимых инфинитивных предложениях; 3) нули Мельчука $\emptyset^{3PL}$ и $\emptyset^{3SG}$, т.е. нулевые нереферентные местоимения с ролевой семантикой агенса, – в финитных клаузах. Выражения, не удовлетворяющие (iv), но способные в некоторых

предложениях заполнять позицию подлежащего, называются слабыми подлежащими. Слабые подлежащие могут конкурировать друг с другом в реализациях одного и того же предиката. Слабыми подлежащими в русском языке являются ИГ со значением дат. п. лица при предикативах, сен-тенциальные составляющие при глагольных и неглагольных предикатах, коррелятивное слово *это* с ситуативной референцией (при глагольных и неглагольных предикат). Очевидно, что в русском языке нет предикатов, которые могли бы сочетаться только с сентенциальными или только с дативными подлежащими при предикативах или же только с элементом *это* в позиции подлежащего. Иначе обстоит дело с сильными подлежащими. Русский язык не разрешает, не меняя формы и значения сказуемого (ср. *Х работает ~ Х-у работает хорошо; Х работает ~ Х-у еще работать и работать*), заменить в финитной клаузе имен. п. приоритетного актанта на дат. п. (ср. **Х-у работает*). Точно также в независимой инфинитивной клаузе дат. п. приоритетного актанта нельзя заменить на имен. п. Наконец, нули Мельчука, представленные в финитных клаузах, несинонимичны каким-либо ненулевым подлежащим в имен. п.

2.1. Слабые подлежащие, неканонические подлежащие и внутренние аргументы

Обозначим точки пересечения нашей теории с другими концепциями неканонических подлежащих. В реляционной типологии А.Е. Кибрика [31] отстаивается постулат о том, что каноническое подлежащее должно удовлетворять критерию ролевой и референциальной непрозрачности, прочие приоритетные актанта признаются неканоническими. Данное требование выглядит слишком жестким: возможно, его выдвижение мотивировано стремлением А.Е. Кибрика доказать, что канонические подлежащие есть в меньшинстве языков мира. Нам ближе концепция И.А. Мельчука, который предлагает определять поверхностно-синтаксическое отношение SSyntRel по совокупности морфосинтаксических признаков, но признает типичной для приоритетного актанта комбинацию SSyntRel + ролевая семантика агенса + коммуникативная семантика темы [37, с. 210]. Применительно к русскому языку критерий ролевой и референциальной/коммуникативной непрозрачности подлежащего дает спорные результаты. Ролевой непрозрачностью обладают не только канонические подлежащие в имен. п., но и часть сентенциальных подлежащих, а именно – вставленные инфинитивные обороты в предложениях типа 4а-б: им, а также наиболее коррелятивному элементу *это*, не может быть сопоставлена какая-либо определенная ролевая семантика. Нули Мельчука, дативные подлежащие при предикативе и дативные

подлежащие независимых инфинитивных оборотов имеют заданные семантические роли, соответственно – агенса, экспериенцера и субъекта внешней модальности [24]. Нули Мельчука имеют также заданные референциальные свойства (неопределенная референция), а слово *это* – фиксированный коммуникативный статус темы. Канонические подлежащие и оба типа дативных подлежащих могут выступать и в роли темы, и в роли ремы.

В концепции А.В. Бондарко различаются подлежащее и т.н. субъект / носитель предикативного признака. И подлежащее, и субъект обладают грамматическим приоритетом над дополнениями, но внешне выраженное подлежащее в имен. п. удовлетворяет критериям ролевой и коммуникативной непрозрачности, в то время как субъекты / носители предикативного признака имеют фиксированные семантические роли и коммуникативный статус [2, с. 53–54]. Сентенциальные составляющие в данной концепции подводятся под понятие подлежащего, а не субъекта, гипотезы о нулевых подлежащих не рассматриваются.

Разработанное в минималистской программе различение внутренних и внешних аргументов пересекается с нашим различением слабых и сильных подлежащих, поскольку два из трех типов слабых подлежащих – сентенциальные составляющие и дативные подлежащие предикативов – являются внутренними аргументами. Однако мы не используем представление о том, что пациентивные и прочие неагентивные подлежащие, получающие прямой падеж, являются внутренними аргументами. Нули Мельчука приблизительно соответствуют т.н. генерическому малому *pro*, т.е. нулевому тематическому подлежащему финитных клауз [26, с. 226; 44]. Для независимых нефинитных клауз постулируется нулевое подлежащее *PRO*, которое в данной версии нашего анализа не вводится. Ситуативное слово *это*, которое не имеет семантической роли, с оговорками может рассматриваться как визуализация синтаксического нуля [26, с. 223–224; 42].

2.2. Иерархия слабых подлежащих и островные ограничения

Гипотеза о конкуренции слабых подлежащих в русском языке принимается А.Б. Летучим, который, однако, устанавливает иную иерархию (v), при которой сентенциальные подлежащие обладают приоритетом над слабыми дативными [9]:

- (v) Сентенциальная составляющая >> слабые дативные подлежащие >> коррелятивное непредметное слово *это*.

Иерархия (v) возвращает к анализу Ю.А. Апресяна и И.А. Мельчука [1, с. 304; 11, с. 221; 37, с. 183], с той поправкой, что А.Б. Летучий признает

существование слабых дативных подлежащих. В этом случае тестовые примеры 8–10 получают следующую интерпретацию:

(8)' Мне приятно, $S_{[CP]}$ что Вася принес свои извинения].

(9)' Приятно, $S_{[CP]}$ что Вася принес свои извинения].

(10)' *Это* приятно, $S_{[CP]}$ что Вася принес свои извинения].

При принятии иерархии (v) возникают серьезные трудности с объяснением синтаксического статуса ИГ со значением дат. п.: т.к. двух подлежащих при одном предикате быть не может, приходится считать форму *мне* в примере 8 не приоритетным актантом, а дополнением. Но если ИГ со значением дат. п. лица при добавлении придаточного становится дополнением, запрет на комбинацию *Ето – N – Pred – CP необъясним. Сходные возражения можно адресовать и М.Ю. Князеву [33], не учитывающему слабые дативные подлежащие и принимающему тезис о том, что сентенциальные составляющие всегда продвигаются в позицию подлежащего, если внешний аргумент, маркированный имен. п., отсутствует. Более ясные случаи связаны с предикатами, лишенными валентности на слабое дативное подлежащее. В работах М.Ю. Князева [33] и А.В. Циммерлинга [26; 45] показано, что придаточные, выступающие в роли сентенциальных, могут выражать ряд семантических ролей, в том числе – выступать в роли внешнего каузатора при каузативах типа *раздразнить* 'заставлять X-а раздразниться' и *заставлять*, при этом при каузативах класса *заставлять* позицию подлежащего может занимать только придаточное, вводимое коррелятивным элементом *то*.

(15) а. Васю раздразняет (то) $S_{[CP]}$ что Катя постоянно опаздывает].

б. $S_{[NP]}$ Постоянные Катины опоздания] раздразняют Васю.

(16) а. $S_{[CP]}$ То, $S_{[CP]}$ что начальник срезал ему зарплату]],
вынудило Васю уволиться с работы.

б. $S_{[CP]}$ что начальник срезал ему зарплату],
вынудило Васю уволиться с работы.

Во всех предшествующих работах обобщения о статусе сентенциальных подлежащих и иерархиях типа (iii) или (v) делаются на основе наблюдений над синтаксисом придаточных: по умолчанию, предполагалось, что инфинитивные обороты в роли сентенциальных подлежащих обладают теми же свойствами, что и финитные клаузы (придаточные). Между тем, свойства финитных и нефинитных сентенциальных аргументов неодинаковы. Финитные сентенциальные аргументы (придаточные в позициях дополнения и подлежащего) выражают категорию лица и соотносены с некоторой

семантической ролью. Инфинитивные аргументы категории лица не выражают и не соотносены с какой-либо ясной семантической ролью. Кроме того, в русском языке извлечение элементов из финитных клауз, замещающих позицию подлежащего, затруднено или невозможно (примеры 17a-b).

(17) а. ^{??} Катя (то) ^S_{CP} что _i постоянно опаздывает] Васю раздражает.¹

б. *На работу_i (то) ^S_{CP} что Катя постоянно опаздывает _i]
Васю раздражает.

Запреты на предложения структуры 17a-b означают, что придаточное в позиции сентенциального подлежащего является островом². Между тем, инфинитивные обороты в русском языке не всегда являются островами, ср. примеры 18a-b. Это может свидетельствовать либо о том, что параллелизма в поведении финитных и нефинитных сентенциальных клауз нет, либо о том, что инфинитивные обороты не являются в русском языке подлежащими, по крайней мере, в структурах типа 18a-b.

(18) а. Невозможно было [_{IP}купить билеты].

б. Билеты_i невозможно было [_{IP}купить _i].

Если разорванная ИнфГ [_{IP}купить билеты] не попадает в позицию подлежащего в примерах 18a-b, вновь возникает вопрос, есть ли в главном предложении позиция подлежащего, что предполагает анализ в духе Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука, и тогда нужно постулировать ее заполнение синтаксическим нулем, или же предложения 18a-b являются односоставными бесподлежащими структурами, что предполагает анализ в духе Л. Бэбби. Данная проблема обсуждается в следующем разделе.

3. Инфинитивные подлежащие в русском языке

Мы утверждаем, что инфинитивные подлежащие в русском языке возможны, но попадают в позицию подлежащего предикатива лишь при соблюдении ряда формальных и коммуникативных условий.

1. По принципу островного ограничения, извлечение элементов из состава ИнфГ, занимающей позицию подлежащего, невозможно. По данному критерию предложение 18b будет признано структурой без сентенциального подлежащего.

2. Для того, чтобы занять позицию подлежащего предикатива, ИнфГ должна быть *топикализована целиком*, а предикат при этом должен

¹ Символ *t* здесь и далее указывает на изначальное место элемента, подвергнувшегося синтаксическому перемещению.

² О понятии острова и островных ограничениях см. [15, с. 547].

находиться в другой коммуникативной составляющей. По данному критерию коммуникативно-нерасчлененное предложение 18а тоже будет признано структурой без сентенциального подлежащего, т.к. вершинный предикат *было невозможно* находится в той коммуникативной составляющей, что и ИнфГ *купить билеты*, тема и рема в этом предложении не выделяются.

3. По иерархии слабых подлежащих (iii), дативное подлежащее предикатива обладает приоритетом над сентенциальным, поэтому предложения типа *^SВасе было трудно* [_{ГР}*купить билеты*] ~ [_{ГР}*купить билеты*] *^SВасе было трудно*, независимо от своей коммуникативной структуры, не могут иметь инфинитивного подлежащего. То же справедливо для обсуждавших выше примеров 3d, 4b.

4. Предикатив должен иметь валентность на сентенциальное подлежащее. У модальных предикативов типа *нельзя, надо, невозможно, нужно, пора* такой валентности, видимо, нет, ср. **нельзя, что P, *надо, что P, *нужно, что P, *пора, что P*, поэтому предложения типа [_{ГР}*купить билеты*] *было нельзя* тоже не являются доказанными структурами с инфинитивным подлежащим.

Эти факторы во многих случаях действуют совместно, что позволяет дать табличное описание в духе теории оптимальности (таблица 1). В записи тестовых примеров мы используем следующую коммуникативную разметку: фигурные скобки {...} обозначают коммуникативные составляющие, запись {_FX} указывает на то, что коммуникативная составляющая X является ремой, запись {_TX} указывает на то, что коммуникативная составляющая X является темой, запись {_AX} указывает на то, что предложение X является коммуникативно нерасчлененной структурой, знак /X указывает на то, что элемент X – акцентоноситель темы, знак \X указывает на то, что элемент X – акцентоноситель ремы. Полу жирным выделены элементы, блокирующие продвижение инфинитивной группы в позицию подлежащего.

3.1. Топикализация и линейная позиция слабых подлежащих

Топикализация ИнфГ в русском языке, видимо, всегда предполагает ее линейную препозицию вершине предиката. По крайней мере, нам не удалось найти примеры обратного. Этот результат предсказуем, т.к. в русском языке отсутствует акцентно маркированные темы, расположенные правее носителя рематического акцента: коммуникативные структуры типа **{_Fинтересно} {_T[_{ГР}играть в /шахматы]}* невозможны по причинам, не связанным с синтаксисом сентенциальных аргументов. В перспективе генеративной грамматики обязательная препозиция топикального инфинитивного подлежащего может рассматриваться как

Таблица 1

**Условия продвижения инфинитивных групп
в позицию подлежащего при предикативе**

	1. Запрет на извлечение из острова	2. Топикализация всей группы инфинитива	3. Отсутствие внешне выражено- го дативного подлежащего в поверхностно- синтаксической структуре	4. Словарно задан- ная валентность на сентенциальное подлежащее
{ _A Невозможно было [_{IP} купить √билеты]}.	OK	*	OK	*
{ _T √Билеты _i } { _F невозможно было [_{IP} купить t _i]}	*	*	OK	*
{ _T [_{IP} Купить √билеты]} { _F было √невозможно}	OK	OK	OK	*
{ _T √ ^S Васе} { _F было трудно [_{IP} купить √билеты]}	OK	*	*	OK
{ _T [_{IP} Купить √билеты]} { ^S Васе было √трудно}	OK	OK	*	OK
{ _T √ ^S Васе} { _F было холодно [_{IP} стоять на ветру]}.	OK	*	*	?
{ _T √ ^S Васе} было интересно ^S [_{IP} читать работы Петрова].	OK	*	*	OK

подтверждение гипотезы о том, что повышение внутреннего аргумента в грамматической иерархии в русском языке сопровождается его поверхностно-синтаксическим перемещением влево. Для топикальных инфинитивных подлежащих данная операция является строго обязательной.

- (19) {_A было интересно [_{IP} играть в √шахматы]} ⇒
{_T ^S[_{IP} играть в √шахматы]_i} {_F было √интересно t_i}.

Для сентенциальных подлежащих, выраженных придаточными, линейная препозиция факультативна, более того, неясно, какой коммуникативный статус – темы или ремы – следует считать для них основным (примеры 20a-b).

- (20) а. {_T Просто (√) удивительно},
 {_F[_{CP} что Вася выиграл у √Петрова]}.
- б. {_T[_{CP} Что Вася выиграл у √Петрова]} – {_T просто удивительно}.

Для слабых дативных подлежащих роль ремы нехарактерна, но запрет на изменение коммуникативного статуса не действует (пример 21a). Кроме того, слабое дативное подлежащее далеко не всегда является акцентоносителем ремы, а занимаемые им линейные позиции могут быть самими разными (примеры 21a-b).

- (21) а. {_ТХолодно на ^Λулице} {_Г было **только** ^Λ**мне**},
 <а вот Петров не мерзнет>.
 б. {_ТНа ^Λулице} {_Г**Петрову** было не ^Λхолодно}.
 в. {_ТИграть волжский ^Λгамбит}
 {_Гбыло **Петрову** не так ^Λкомфортно}.

Итак, необходимым, но недостаточным условием продвижения ИнфГ в позицию подлежащего является ее топикализация. Для других типов слабых подлежащих это условие в русском языке не выполняется.

3.2. Нулевые и инфинитивные подлежащие

Мы предположили выше, что часть русских предикативов не может принимать сентенциальные подлежащие, и что для них ИнфГ в ста процентах случаев остаются внутренними аргументами, даже если ИнфГ топикализована и островные ограничения соблюдены. Проверочным тестом случит наличие валентности на придаточное у предикатива, который может принимать слабое дативное подлежащее. Если предикатив данного класса допускает структуру *интересно/стыдно/смешно*, [_{СР}что Р], сохраняется вероятность, что он в некоторых контекстах допускает и ИнфГ в роли сентенциального подлежащего, ср.: [_{ГР}Играть в шахматы] – интересно; [_{ГР}Списывать контрольную] – стыдно; [_{ГР}Просить премию в кризис] – смешно. Для модальных предикатов *нельзя, можно, пора, невозможно*, не имеющих валентности на [_{СР}что Р]-аргументы, вывод о том, что в отсутствие внешне выраженной ИГ со значением дат. п. лица позиция подлежащего не заполняется никакой ненулевой формой, интуитивно приемлем. Однако последовательное применение данного критерия заставляет считать, что ИнфГ не попадают в позицию подлежащего и при многих других предикативах с валентностью на ИГ со значением дат. п. лица, например, *вольн'о, тревожно, холодно*. Для *вольн'о* такой результат можно считать хорошим, т.к. ИнфГ при данном предикативе не топикализуется, а предикат даже в отсутствие внешне выраженной ИГ со значением дат. п. лица описывает конкретную референтную ситуацию (примеры 22a-b).

- (22) а. $\{_A \neg \text{Вольно (ему) было } [_{IP} \text{списывать контрольную}]\}$!
 <конкретный X списал контрольную в конкретной единичной ситуации в прошлом>
- б. * $\{_T [_{IP} \text{списывать } \neg \text{контрольную}]_i\} \{_F \text{было ему } \neg \text{вольно } t_i\}$.
- с. *Вольно ему было, что он списал контрольную.

При *тревожно* опущение ИГ со значением дат. п. тоже не переключает референцию, но топикализация ИнфГ, тем не менее, возможна (примеры 23a-b).

- (23) а. $\{_A \text{Было тревожно } [_{IP} \text{подавать заявку в последний момент } \neg]\}$.
 <некоторый X в последний момент подал заявку в конкретной единичной ситуации в прошлом, в связи с чем конкретный Y, не обязательно совпадающий с X-м, в течение конкретного периода времени испытал чувство тревоги>
- б. $\{_T [_{IP} \text{Подавать заявку в последний } \neg \text{момент}]_i\} \{_F \text{было } \neg \text{тревожно } t_i\}$. <Конкретным X-м в конкретной референтной ситуации в прошлом>
- с. *Ему было тревожно, что он подал заявку в последний момент.

При *холодно* опущение ИГ со значением дат. п. при одновременной топикализации ИнфГ может переключить референцию.

- (24) а. $\{_A \text{Было холодно } [_{IP} \text{долго стоять на } \neg \text{ветру}]\}$.
 <конкретным X-ам в конкретной референтной ситуации>
- б. $\{_T [_{IP} \text{Долго стоять на } \neg \text{ветру}]_i\} \{_F \text{холодно } t_i\}$.
 <любому потенциальному X-у в любой ситуации>
- с. *Людям было холодно, что они стояли на ветру.

В русской грамматической традиции, как указано выше в разделе 1.3, высказывания с генерической референцией и топикализацией ИнфГ в примерах типа 24b обычно рассматриваются как двусоставные структуры с ИнфГ в роли подлежащего [3, с. 32; 6, с. 269], но предшествующие работы не объясняют, почему топикализация ИнфГ не приводит к автоматическому переключению референции с конкретной на генерическую в примерах типа 23b, и почему в отдельных случаях топикализация ИнфГ вообще невозможна, как в примере 22b.

Как бы ни решался вопрос о двусоставности/односоставности спорных примеров 23b, 24, где топикализованная ИнфГ забраковывается в качестве потенциального кандидата на роль подлежащего на основе

критерия (4), т.е. постулата об отсутствии у предикатива словарно заданной валентности на сентенциальное подлежащее, для модальных предикативов, у которых ИнфГ всегда остается внутренним аргументом, следует постулировать нулевое подлежащее во всех случаях, когда ИГ со значением дат. п. лица отсутствует. Данный тип элементов неформально понимается нами как «абсолютный синтаксический нуль», лишенный ролевой семантики. Он обозначается ниже как $\emptyset^{\text{Imp}}$. Введение оператора $\emptyset^{\text{Imp}}$ в другой системе понятий, не прибегающей к гипотезам о нулевых и неканонических подлежащих, например, в концепции «Граматики 1980» [17] или в концепции Л. Бэбби [29], равнозначна констатации, что некоторое предложение является полной односоставной структурой. От учтенных в нашем описании нулей Мельчука $\emptyset^{3\text{SG}}$ и $\emptyset^{3\text{PL}}$ оператор $\emptyset^{\text{Imp}}$ отличается тем, что не передает информации о ролевой семантике и не является контролером согласовательной формы предиката, а от признанных нами избыточными нулей Мельчука $\emptyset^{\text{EGO}}$ и $\emptyset^{\text{Surroundings}}$ – тем, что не содержит никаких сведений о семантике конструкции. Вставка $\emptyset^{\text{Imp}}$ является крайней мерой деривации (last resort operation) и применяется в предложениях с предикатами, допускающими ненулевые формы слабых подлежащих, только в том случае, когда другим способом позиция подлежащего заполнена быть не может¹.

В нотации примера 25 мы использовали помету Sent, указывающую, что сентенциальный аргумент не перемещен в позицию подлежащего, а также помету ОБОБЩ.РЕФЕР. при предикативе, указывающую на то, что предложение, обозначающее конкретную референтную ситуацию в прошлом, тем не менее, не соотносено с конкретным семантическим субъектом и является, в терминах работ А.А. Герасимовой [5] и Ф.Г. Шушурина [18], предложением с отношением произвольного контроля. Оператор $\emptyset^{\text{Imp}}$ в примере 25 вводится на основе четырех постулатов: третьего, указывающего на отсутствие слабого дативного подлежащего, и первого, второго и четвертого, обосновывающих невозможность продвижения ИнфГ в позицию подлежащего.

- (25) $\{_{\text{T}}[\text{?Билеты}]_i\} \{_{\text{F}}\text{было решительно } \emptyset^{\text{Imp}} \text{ **невозможно** } \text{ОБОБЩ.РЕФЕР.}$
 $[\text{P} \text{?купить } t_i]^{\text{Sent}}\}$, фильм $\emptyset^{3\text{PL}}$ показывали по две недели
 в кинотеатрах с широкими экранами. (Е. Гришковец)

¹ Данный принцип нашей теории противоположен лежащему в основе минимализма принципу Merge over Move, где синтаксическое перемещение (в т.ч., перемещение внутренних аргументов в позицию подлежащего) признается последним шагом деривации, который применяется, когда другие ресурсы исчерпаны.

Аналогично интерпретируется пример 26, где группа *нас с мужем* извлечена из состава ИнфГ, подчиненной модальному предикативу *можно*, и топиализована: при этом оставшаяся часть ИнфГ вместе с матричным предикатом входит в состав ремы.

- (26) $\{_T[\text{Нас с } \text{мужем}]_i\} \emptyset^{\text{Imp}} \{_F\text{можно } [_{IP}\text{назвать } t_i \text{ альтруистами}]^{\text{Sent}}\}.$
(«Такие дела»)

В примере 27 топиализуется извлеченная из состава ИнфГ предложная группа *под кирпич*, оставшаяся часть ИнфГ вместе с матричным модальным предикатом *нельзя* входит в состав ремы.

- (27) $\emptyset^{\text{Imp}} \{_T A [_{\text{под } \text{кирпич}}]_i\} \{_F \text{все же } [_{IP} \text{ездить } t_i]^{\text{Sent}} \text{нельзя}\}!$
(НКРЯ)

Пример 28, являющийся коммуникативно-нерасчлененной структурой, вносит разнообразие, т.к. в нем нет топиализации предложной группы *с ними*, извлеченной из ИнфГ, но нарушение островного ограничения имеет место и здесь, т.к. модификатор *просто* относится к матричному предикативу *надо*, а не к элементам ИнфГ.

- (28) $\{_A \emptyset^{\text{Imp}} \text{Надо } [_{\text{с ними}}]_i \text{просто}$
 $[_{IP} \text{нормально общаться } t_i, \text{ как с } \text{людьми}]^{\text{Sent}}\}.$ («Такие дела»)

Для примеров 25–28 все четыре введенные ранее ограничительные условия дают одинаковые результаты (таблица 2).

В некоторых обнаруженных нами нетривиальных случаях нарушение принципа, согласно которому топиализованная группа инфинитива для

Таблица 2

Применение критериев продвижения инфинитивной группы в позицию подлежащего при предикативе в примерах 25–28

Номера примеров	1. Запрет на извлечение из острова	2. Топикализация всей инфинитивной группы	3. Отсутствие внешне выраженного дативного подлежащего	4. Словарно заданная валентность на сентенциальное подлежащее
25	*	*	*	*
26	*	*	*	*
27	*	*	*	*
28	*	*	*	*

замещения позиции подлежащего должна попадать в другую коммуникативную составляющую, чем матричный предикат, происходит даже при том, что все части ИнфГ попадают в состав темы. Так, в примере 29 матричный предикатив *непросто* попал в состав темы, при этом локативный аргумент *в России* извлечен из ИнфГ в матричное предложение.

- (29) {_T Иногда [в России]_i так $\emptyset^{\text{Imp}}$ **непросто** [_Jжить _{t_i}]_{Sent}}
 {_F что даже здоровому человеку хочется уйти в _Jзапой}
 («The Village»)

Для подобных примеров стоит эксплицитно добавить ограничительное условие 5 – попадание матричного предиката в состав ремы при условии топиализации ИнфГ (таблица 3).

В большом числе изученных нами примеров ограничительные условия 1–5 соблюдены, поэтому для признания топиализованной ИнфГ сентенциальным подлежащим нет препятствий. Можно сделать предварительный вывод о том, что даже при соблюдении островных ограничений и топиализации всех элементов ИнфГ остается в позиции зависимого (т.е. внутреннего аргумента) для части предикативов, лишенных валентности на [_{CP} что *P*]-аргумент, а для другой части предикативов выдвижение ИнфГ в позицию подлежащего регулируется рядом формальных и коммуникативных факторов. Нерешенные проблемы связаны с соотношением классов предикативов, имеющих валентность на слабое дативное подлежащее, но не на [_{CP} что *P*]-аргумент, ср. *X-у проще всего делать Z ~ *X-у проще всего, [_{CP} что *P*]* и предикативов, неспособных принимать слабые дативные подлежащие, но имеющих валентность как на [_{CP} что *P*]-аргумент, там и на ИнфГ, ср. *аморально делать Z ~ аморально, что [_{CP} что *P*]*. Если ограничиться выборочными данными,

Таблица 3

**Модифицированные условия продвижения инфинитивной группы
в позицию подлежащего при предикативе**

Номера примеров	1. Запрет на извлечение из острова	2. Топикализация всей инфинитивной группы	3. Отсутствие внешне выраженного дативного подлежащего	4. Словарно заданная валентность на сентенциальное подлежащее	5. Непонадание матричного предиката в топиальную составляющую
29	*	*	ОК	?	*

вывод о том, что примеры 30a-b являются односоставными предложениями/структурами с $\emptyset^{imp}$, а примеры 31a-b – двусоставными структурами с сентенциальным подлежащим, кажется интуитивно правдоподобным.

(30) а. [_{IP} Списать/²списывать контрольную]^{Sent} – $\emptyset^{imp}$ проще всего.

б. $\emptyset^{imp}$ проще всего – [_{IP} списать/списывать контрольную]^{Sent}.

с. *Проще всего, [_{CP} (то) [_{CP} что Петров списал контрольную].

(31) а. ^S[_{IP} Списывать/*списать контрольную] – аморально.

б. ^S[_{CP} (То,) [_{CP} что Петров списал контрольную,] – аморально.

4. Произвольный семантический контроль, дательные подлежащие и инфинитивная группа

В заключительном разделе мы рассматриваем отдельные аспекты синтактико-семантического интерфейса, связанные с реализацией предикативов. Как отмечалось в предыдущих разделах, в русской лингвистике до сих пор полностью не решена проблема соотношения поверхностно-синтаксических схем дательного-предикативного предложения (N_{dat} – Pred) и схем с топикализованной ИнфГ $\{T_{IP} \dots\} - \{F_{Pred}\}$, с одной стороны, и предикатных значений состояния и оценки – с другой. Выдвинутая Г.А. Золотовой и Т.В. Булыгиной гипотеза состоит в том, что предложения с топикализованной ИнфГ являются двусоставными структурами при предикатах, выражающих семантику оценки и отсылающих к генерической ситуации [3, с. 32]. Дательные-предикативные предложения схемы N_{dat} – Pred традиционно описываются как структуры, на основе которых в русском языке выражается прототипическая семантика состояния при предикатах актуализованного признака, отсылающих к конкретной референтной ситуации [10; 14, с. 131; 21, с. 224; 27; 28; 39;]¹. Однако эта пропорция не выдерживается полностью. Устранение ИГ со значением дат. п. лица из схемы высказывания и выдвижение в позицию подлежащего ИнфГ / вставка $\emptyset^{imp}$ отнюдь не приводит автоматически к смене предикации состояния предикации общей оценки, относящейся к вневременным родовым ситуациям, что показывают приводившиеся примеры 22a, 23a-b, 24a на употребление предикативов *вольн'о*, *тревожно* и *холодно*. Для предикативов класса *аморально*, которые не сочетаются с дательными субъектами, проблема смены референтного статуса стоит

¹ Критерии определения таксономического предикатного типа состояний заслуживают отдельного разбора. Ограничимся указанием на то, что выделение предикатов состояния на основе значения актуализованного признака характерно как для отечественной семантической школы, так как для западной формальной семантики [32].

менее остро, поскольку они ни в каком контексте не выражают значение состояния / актуализованного признака, которое выражается в дативно-предикативной схеме при предикатах класса *воль'но, холодно, смешно, больно* и т.п. [21, с. 222]. Но и употребление предикатов оценки показывает, что референция к родовой ситуации восстанавливается слушающим/читателем не из-за отсутствия эксплицитного указания на субъект оценки, а из-за отсутствия маркеров актуализации и дейктических показателей. Такими маркерами в примере 32а являются форма прош. вр. связки *было* и временное наречие *вчера*.

(32) а. $S_{[IP]}$ Списывать *вчера* контрольную] *было* аморально.

<конкретная референция>

б. $S_{[IP]}$ Списывать контрольную] – аморально.

<генерическая референция>

Употребление предикативов состояния класса *холодно, смешно*, имеющих валентность на ИГ в дат. п., в этом плане мало чем отличается от употребления предикативов оценки класса *аморально*. В примерах 32а-б в составе ИнфГ имеется наречие *сегодня*, которое указывает на некоторый отрезок, включающий момент речи. При этом предложение 32а указывает на конкретную ситуацию, локализованную во временном отрезке /сегодня/, а пример 32б является общей оценкой, относящейся к родовой ситуации. Иными словами, в примере 32а элемент *сегодня* в плане семантической сферы действия относится к зависимой клаузе (ИнфГ), а в примере 32б – к главной клаузе.

(33) а. $S_{[IP]}$ Говорить об этом сегодня] **было** смешно.

<Х сегодня заговорил о Z, факт разговора Х-а о Z имел место.

Y оценил это конкретное действие Х-а как смешное>

б. $S_{[IP]}$ Говорить об этом сегодня] смешно. <Если любой

потенциальный Х заговорит о Z, любой потенциальный Y сегодня оценит это действие Х-а как смешное>

Вопрос о том, является ли топиализованная ИнфГ подлежащим предложения без слабого дативного субъекта, как нам кажется, должен решаться на основе формально-синтаксических, а не семантических или прагматических критериев. В плане переключения референции высказывания с полной и частичной топиализацией материала ИнфГ явно ведут себя одинаково, независимо от того, соблюдаются ли островные ограничения и прочие ограничительные условия для продвижения ИнфГ в позицию подлежащего или нет. Ср. пример 34, где островное ограничение не нарушено, но инфинитивная вершина находится в реме, в то время как ее

зависимое – в теме, что, по процедуре, описанной выше в разделе 3, не позволяет признать ИнфГ подлежащим:

- (34) Не стал бы делать и играть еще и потому что... А зачем играть спектакль [о том, [что и так понятно разумным людям]].
 $\{_T[\text{Для } \lambda\text{дураков же}]_i\} \{_F[_{IP}\text{спектакли играть } t_i]\}$
 $\emptyset^{imp}$ бессмысленно и λ бесполезно}. (Е. Гришковец)

4.1. Генерические термы и генерические ситуации

В классических работах Т.В. Булыгиной и О.Н. Селиверстовой содержится утверждение, что предикаты состояния не только обозначают единичные актуализованные ситуации, но и всегда соотносятся с конкретными семантическими субъектами, в то время как предикаты общей оценки имеют генерическую референцию и всегда соотнесены с родовыми термами. Наш материал показывает, что это не вполне верно. Генерическая референция и значение общей оценки часто возникает за счет обобщения личного опыта говорящего. Риторические стратегии могут способствовать смещению акцентов. В контексте примера 35 говорящий обсуждает конкретную ситуацию в актуальном настоящем, но для придания своему мнению большего веса и категоричности оформляет его не как частную оценку единичного факта, а как общую, вневременную, оценку.

- (35) Если не ставите его в состав или считаете,
 что он этого не заслуживает, – выставляйте на трансфер.
 $\{_T[_{IP}\text{Пользоваться пунктом в } \lambda\text{контракте}]\} \{_F[\lambda\text{некорректно}]\}$.
 (В. Газзаев о конфликте Р. Широкова с ФК «Спартак».
 «Спорт-Экспресс»)

Еще более показателен контекст примера 36, где говорящий сперва говорит о своем субъективном отношении (*Я привык...*) к ситуациям определенного типа (*...когда рядом просходит беда*), а сразу после этого апеллирует к слушателю, утверждая, что его личное отношение является единственно возможным в ситуации данного типа. Для анализа таких случаев мы предлагаем добавлять помету АМБИВАЛЕНТНО, указывающую, что предикат *невыносимо тяжело*, допускающий дативное подлежащее, одновременно соотнесен с обобщенным субъектом оценки (любому Y-у в ситуации данного типа всегда будет невыносимо тяжело), и с конкретным субъектом состояния/оценки X (в данном случае X = Е. Гришковец).

- (36) А еще я не привык стоять в стороне, когда рядом происходит беда. Я привык немедленно попытаться помочь, принять участие.
 $\{_A\text{Невыносимо тяжело}^{АМБИВАЛЕНТНО} \emptyset^{imp} [\text{быть беспомощным}]$

свидетелем происходящей беды, если не сказать катастрофы]^{Sent}}.
(Е. Гришковец)

Установка на генерализацию своего личного опыта и попытка объективировать свойства конкретной ситуации, в которой говорящий оказался, порой приводит к попытке раздвинуть границы класса предикатов оценки и выдать свое состояние за объективное свойство сложившейся ситуации. Так, в примере 37 говорящий, описывая испытанные им и его товарищами неприятные ощущения, употребляет предикатив *больно*, предназначенный для описания состояния боли и досады, не со слабым дативным подлежащим, а с несубъектным расширителем *для* + *род.п.*

- (37) {_T [Пропускать четыре 7мяча]}
 $\emptyset^{\text{imp}} \{_{\text{F}}$ больно для 7нас в первую очередь},
 но это не принижает заслуг «Мордовии»
 (И. Акинфеев об игре с ФК «Мордовия». «Спорт-Экспресс»)

Пример 37 находится на грани приемлемого в литературном русском языке, поскольку в нем смешиваются два класса предикативов – предикативы состояния и предикативы оценки. Звучащий более разговорно пример 38, с нашей точки зрения, семантической аномалии не содержит, поскольку предикативы с элементом *-еньк-о* (ср. разг. *занятненько*, *гламурненько*, *комфортненько* и т.п.) являются именно средствами оценки и в употреблении, близких к литературной норме, вообще не сочетаются со слабым дативным подлежащим (*??ему было комфортненько*). В контексте примера 38 говорящий, использующий предикатив *тревожненько за Z-a* выражает в режиме реального времени чувство личного беспокойства за позицию гроссмейстера П.В. Свидлера, но оформляет это не как информацию о своем личном состоянии (*X испытывает чувство тревоги за Z-a*), а как объективную оценку позиции – возникшая в партии Z-a позиция такова, что внушает тревогу любому квалифицированному наблюдателю / субъекту оценки Y.

- (38) Merkava: Всем привет!
 $\emptyset^{\text{imp}} \{ \searrow \searrow \text{Тревожненько}^{\text{АМБИВАЛЕНТНО}}$ за Петра Вениаминовича...}
 (Форум на сайте chesspro.ru)

К несколько иной стратегии генерализации в предложении с тем же предикативом *больно* прибегает другой наш информант, который выдает пережитое лично им состояние (*X-у стало больно*; X = Е. Гришковец) за общее состояние всего народа, частью которого он является. Если в контекстах примеров 36–38 генерализация связана с обобщением конкретной

ситуации, то в контексте примера 39 говорящий производит манипуляции уже с самими семантическими субъектами, пытаясь вместо конкретного термина *Гришковец* подставить квантифицированное выражение типа *все мы / все члены некоторого множества*.

(39) Потому, как с деликатесов только разгонялась волна.

Испанский хамон и норвежский лосось были лишь авангардом,
за которым последовали уже осязаемые вещи
и стало $\emptyset^{\text{imp}}$ больно^{КВАНТ.МНОЖЕСТВО}. (Е. Гришковец)

В ряде случаев мы столкнулись с текстами сложной семантической структуры, где на протяжении нескольких предложений используются разные стратегии представления ситуации, выражения предикатов оценки и состояния. Пусть даны множества субъектов действия/состояния $\{X_1, X_2 \dots X_n\}$ и субъектов оценки $\{Y_1, Y_2 \dots Y_n\}$. В контексте примера 40 говорящий / субъект оценки Y_1 (футбольный эксперт) разбирает конкретную референтную ситуацию, где X_1 (X_1 = игрок В. Березуцкий), по мнению Y -а, совершил техническую ошибку, из-за которой X_2 (X_2 = игрок И. Акинфеев) пропустил гол. Вначале при помощи модального предикатива *надо* эксперт выражает мнение о том, что в ситуации того типа, где в некотором конкретном матче оказался игрок X_1 , любой X должен был сделать Z , но X_1 не сделал Z . Тем самым, деонтический модальный оператор в примере 40 одновременно отсылает к конкретной референтной ситуации S_1 , где оказался X_1 , так и к родовой ситуации S , которая приложима к любому X -у, поскольку действие Z , как утверждает говорящий Y_1 , продиктовано самой логикой игры. Предикатив *надо* в контексте примера 40 мы снабдили пометой АМБИВАЛЕНТНО, учитывающей его двойную референциальную перспективу. В последнем предложении текста примера 40 разбирается продолжение того же эпизода – конкретная референтная ситуация S_2 , где игроку X_2 было сложно отразить удар. В этом предложении предикатив *сложно*, при котором стоит эксплицитно выраженное слабое дативное подлежащее *Акинфееву*, оформлен именно как предикат состояния и отсылает к конкретной референтной ситуации S_2 , что отражено в помете КОНКР.РЕФЕР.

(40) $\{_T \text{Второй } (\nearrow) \text{ гол} \} \{_F \text{мы } \searrow \text{разобрали} \} \cdot \{_T [B \nearrow \text{третьем}]_j \}$
 $\{_{F[IP]} \{ \text{винить Игоря}_i t_j \} \emptyset^{\text{imp}} \text{ не } \searrow \text{стоит} \} -$
 $\{_F \searrow \text{защитники не подстраховали} \} \cdot \{_T \text{В } \nearrow \text{четвертом} \}$
 $\{_F \searrow \text{Березуцкий}_k \text{ напортил} \} \cdot \{_F \text{Зачем-то } \text{рго}_k \searrow \text{притормозил} \},$
 $\{_T \text{когда } (\nearrow) \text{Луценко} \} \{_F \text{махнул мимо } \searrow \text{мяча} \} \cdot$
 $\{ \emptyset^{\text{imp}} \text{ НАДО}^{\text{АМБИВАЛЕНТНО}} \searrow \text{накрывать, идти до } \searrow \text{конца!} \}$

{_T В Литоге} {_{PRO_k} дал спокойно √пробить}, и {_iАкинфееву},
{среагировать было √СЛОЖНО^{КОНКР.РЕФЕР}}. («Спорт-Экспресс»)

Итак, гипотеза о том, что слабое дативное подлежащее является маркером актуализованной конкретной референции при предикации состояния, подтверждается материалом. Гипотеза о том, что устранение слабого дативного подлежащего из схемы высказывания при одновременной топикализации ИнфГ либо ее элемента автоматически переключает тип референции и порождает предикаты общей оценки, ориентированные на родовую ситуацию, неверна. Предложения с ИнфГ и без слабого дативного подлежащего выражают широкий круг значений – от обозначений состояния конкретных людей до общих вневременных суждений. Обобщенная семантика может возникать как за счет генерализации конкретных референтных ситуаций, в которых оказался говорящий, слушающий или иное лицо, так и за счет подстановки вместо конкретного термина генерического термина или термина, указывающего на некоторое квантифицированное множество. Тезис о том, что в предложениях с семантикой обобщенной оценки топикализованная ИнфГ всегда является грамматическим подлежащим, ложен, анализ механизмов переключения референции не должен непосредственно привязываться к формально-грамматическому анализу в терминах приоритетных актантов. В целом, распределение поверхностно-синтаксических схем с дативным подлежащим и без него предсказуемо с позиций семантической теории. Предикаты оценки класса *аморально, алогично* не могут замещать предикаты состояния в литературном русском языке. Имеющиеся в текстах примеры различных стратегий оформления ряда модальных предикатов и предикатов состояния можно связать с тем, что в значении этих предикатов заложен параметр оценки, ср. ранее выдвинутую в работе А. Циммерлинга [21, с. 221] гипотезу, поэтому одни и те же денотативные ситуации с одушевленным участником могут представляться по-разному.

4.2. Произвольный контроль: семантика и синтаксис

В генеративной русистике в работах И. Ландау и других авторов за последнее десятилетие выдвигаются гипотезы о т.н. произвольном контроле. Имеется в виду, прежде всего, формально-синтаксическое отношение. В недавней работе Ф.Г. Шушурина произвольный контроль определяется как «механизм получения нулевым подлежащим нефинитных клауз <PRO> референции в отсутствии синтаксического отношения между нулевым подлежащим и предполагаемым источником референции» [18, с. 3]. В настоящей статье проблема нулевого подлежащего (боль-

шого) PRO зависимых (*Вася решил поработать*) и независимых инфинитивных клауз (*Васе еще работать и работать*) не обсуждается, поэтому мы воздержимся от дискуссии о том, следует ли постулировать PRO для всех нефинитных клауз и следует ли приписывать PRO категорию падежа в языках с морфологическими падежами типа русского или исландского, что было предложено в работе Х.А. Сигюрдссона [40]. В то же время, ИнфГ в некоторых случаях может выступать в роли сентенциального подлежащего, поэтому вопрос о том, предсказуема ли референция высказываний с ИнфГ и предикативом, имеет непосредственное отношение к теме нашей работы. А.А. Герасимова утверждает, что произвольный контроль имеет место в предложениях типа 41 и 42 (Нотация примеров наша. – А.Ц., М.Т.), где PRO или не обозначает никакого конкретного референта, или обозначает референта, обусловленного ситуацией [5, с. 57]. Существенно, что большое PRO (если его вводить) относится именно к зависимой клаузе, в то время как оператор $\emptyset^{\text{Imp}}$ – часть синтаксиса главной клаузы, он указывает на то, что позиция подлежащего главной клаузы имеется, но в данном предложении не заполняется ненулевой формой.

(41) $\{_T[\text{После } \nearrow \text{перелета}]_i\} \emptyset^{\text{Imp}} \{[_{IP} \text{ PRO приятно}^{\text{ОБОБЩ.РЕФЕР}} \text{ глотнуть свежего } \searrow \text{воздуха } t_i]\}$.

(42) $\emptyset^{\text{Imp}} \{[_A \text{ Жаль}^{\text{КОНКР.РЕФЕР}} [_{IP} \text{ PRO возвращаться в } \searrow \text{город}]]\}$.

Если не ограничиваться поверхностно-синтаксическими схемами, определяемыми с точностью до двух позиций – ИнфГ и предикатива, но рассматривать реализации конкретных предикативов и набор возможных для них референциальных и семантических интерпретаций, выводы А.А. Герасимовой могут быть оспорены. Предложение 42 выражает предикацию состояния и отсылает к конкретной референтной ситуации, предикатив *жаль* вообще не допускает генерических употреблений даже в отсутствие слабого дативного подлежащего¹. Произвольность референциального выбора в этом примере можно рассмотреть разве что в том плане, что референция к 1 л. может быть строгой (*жаль самому говорящему*) или инклюзивной (*жаль говорящему и некоторому множеству лиц с ним*). Предложение 41 при предикативе *приятно*, напротив, является предикацией оценки и при отсутствии маркеров актуализации закономер-но отсылает именно к родовой, вневременной ситуации.

¹ В модели «Смысл – Текст» референция к конкретному лицу в предложениях типа 42 объясняется за счет введения нулевого синтаксического элемента $\emptyset_{\text{DAT}}$ «человека»: в дат. п. (X-у жаль, и сам X же возвращается в город). В минималистической грамматике данное явление интерпретируется как обязательный (субъектный) контроль.

В предложениях типа 43 А.А. Герасимова усматривает субъектный контроль (контролером является неноминативный эксперенциальный субъект), что совпадает с нашими собственными выводами.

- (43) $\{_T S[(\nearrow)Emu_{ij}]\}$
 $\{_F \text{было } [_{IP} \text{PRO приятно}^{\text{КОНКР.РЕФЕР.}} \text{чувствовать себя, сверхчеловеком}]\}$.

Ф.Г. Шушурин, по утверждению А.А. Герасимовой [5, с. 57], полагает, что субъектный контроль в таких конфигурациях должен быть переосмыслен как произвольный контроль с контекстно-обусловленным референтом. Мы не нашли в работе Ф.Г. Шушурина указания на то, что «при выраженном субъектном детерминанте» реализуется произвольный контроль¹. Но некоторые сделанные им допущения кажутся нам недостаточно обоснованными. Например, Ф.Г. Шушурин находит в примерах типа 43 «нарушение структурного приоритета <дативных> контролеров над PRO очевидным» [18, с. 50]. Но это не наблюдаемый факт. Вначале автор делает вывод о том, что PRO существует и является грамматическим подлежащим, затем принимает более чем спорное допущение «Грамматики 1980» о том, что ИГ в дат. п. является не приоритетным актантом, а субъектным детерминантом, т.е. универсальным расширителем предложений с предикативом, при том что класс предикативов со значением состояния диагностируется именно по наличию слабой валентности на дат. п. лица. В довершение ко всему, автор без анализа принимает тезис о синонимии беспредложной ИГ со значением дат. п. лица группе *для + род. п.* (ср. пример 37) и расширителю *со стороны X-a*.

В качестве теста предлагаем читателю произвести соответствующие замены в примерах из нашей статьи, начав с примера 43. В предложениях схемы Praed – Inf Ф.Г. Шушурин усматривает произвольный контроль, но требуется более детальная аргументация. Вывод автора о том, что PRO получает в контекстах, где дативный контролер либо невозможен, как в примере 41, либо не выражен, как в примере 42, свою референцию не от аргумента, а из предшествующего дискурса, правдоподобен, хотя и тавтологичен. Тест на сочетаемость с кванторными выражениями (ср. *Каждый сказал, что было невежливо так поступать*; *Каждый сказал, что скучно заниматься этим весь день*) интересен, но следовало бы проверить не только предикаты оценки типа *невежливо*, которые не

¹ Ср. «необходимо признать, что синтаксическое отношение между клаузами в рассмотренном нами классе <Praed – Inf> обладает всеми признаками обязательного контроля» [18, с. 50].

принимают дативные подлежащие (**Васе невежливо так поступать*) и не только предикативы класса *скучно, холодно*, которые легко дают генерические употребления в оценочных контекстах, но и такие предикативы, как *волн'о, жирно, лень, тревожно, жаль*, которые могут сохранять конкретную референцию при невыраженном дативном подлежащем (примеры 22, 23, 44).

(44) Каждый_i сказал, что $\emptyset^{\text{Imp}}$ жаль_{КОНКР.РЕФЕР.}

[_{IP}PRO_i расставаться с профессором Петровым].

По-видимому, допустимы две интерпретации примера 44, в обоих случаях *жаль* сохраняет конкретную референцию. Дано множество субъектов состояния $\{X_1, X_2 \dots X_n\}$, испытавших чувство сожаления по случаю расставания с профессором П. и высказавшихся на данную тему (не обязательно одновременно). При первой интерпретации *жаль* соотнесено со всеми членами релевантного множества и единой ситуацией выражения сожаления *S*, даже если X_1 высказался на эту тему в понедельник, X_2 – во вторник, а X_3 – в среду. При второй интерпретации *жаль* соотнесено с множеством единичных ситуаций $\{S_1, S_2 \dots S_n\}$, когда X_1 выражает сожаление в $S_1 \dots$, X_2 – в S_2 и т.д.

Конечный вывод Ф.Г. Шушурина «В предложениях, в которых инфинитивная группа находится в позиции подлежащего, (вне зависимости от линейного порядка) имеет место произвольный контроль; в предложениях, в которых инфинитивная группа находится в позиции компонента, имеет место обязательный контроль» [18, с. 52] верен на пятьдесят процентов. При наличии слабого дативного подлежащего ИнфГ всегда попадает в позицию зависимого, реализуется субъектный контроль. Но отсюда не следует, что в клаузах, где слабого дативного подлежащего нет и реализуется произвольный контроль, ИнфГ всегда занимает позицию подлежащего.

5. Выводы

Мы рассмотрели проблемы грамматики и семантики предложений с предполагаемыми дативными и сентенциальными подлежащими. Было показано, что для обоснования подлежащего статуса данных выражений требуется полная классификация приоритетных актантов русского языка и алгоритм их выбора. Соответствующий формальный аппарат был представлен в первом разделе статьи. Во втором разделе мы показали, что слабые дативные подлежащие при предикативах обладают приоритетом над всеми типами сентенциальных подлежащих. В третьем разделе было доказано, что ИнфГ может попадать в позицию подлежащего

лишь при соблюдении ряда формальных и коммуникативных условий, и что в большом числе клауз с ИнфГ поверхностного подлежащего нет. В четвертом разделе было показано, что схема Praed – Inf, вопреки ранее высказывавшимся гипотезам, лишена единой обобщенной семантики, на ее основе может выражаться ряд значений, связанных с предикациями состояния и оценки.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // *Russian linguistics*. 1985. Vol. 9. № 2–3. С. 289–317.
2. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность* / Под ред. А.В. Бондарко. СПб., 1992. С. 29–70.
3. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7–85.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л., 1947.
5. Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // *Типология морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»* / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
7. Исаченко А.В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // *Вопросы языкознания*. 1955. № 6. С. 34–46.
8. Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке / *Ин-т рус. языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации*. М., 1983. Вып. 156.
9. Летучий А.Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // *Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки»*. 2014. № 1. С. 62–84.
10. Маркова В.Р. Предикативы состояния с финалью -о в русском языке // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»* / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. Вып. 2. М., 2015. С. 266–278.
11. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». Семантика. Синтаксис. М., 1974.
12. Мельчук И.А. Язык. От смысла к тексту. М., 2012.
13. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // *Вопросы языкознания*. 1955. № 2. С. 55–65.
14. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // *Семантические типы предикатов* / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982. С. 88–157.

15. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
16. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2. М., 1941.
17. Русская грамматика / Под ред. Шведова Н.Ю. В 2 т. М., 1982.
18. Шушурин Ф. Г. Произвольный контроль в нефинитных клаузах (на материале русского и финского языков): Дипломная работа. МГУ им. М.А. Ломоносова, 2015.
19. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 4-е. М., 2008. С. 77–100.
20. Циммерлинг А.В. История одной полемики // Язык и речевая деятельность. 1998. № 1. С. 63–87.
21. Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки // Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке / Под ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. С. 221–228.
22. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
23. Циммерлинг А.В. Два типа дативных предложений в русском языке // Слово – чистое веселье. Сб. ст. в честь А.Б. Пеньковского / Под ред. А.М. Молдован. М., 2009. С. 477–489.
24. Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 549–558.
25. Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению. От значения к форме. Сб. ст. в честь 80-летия А.В. Бондарко / Отв. ред. М.Д. Войенкова. М., 2012. С. 568–590.
26. Циммерлинг А.В. Параметр нулевого подлежащего и членение текста // Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е. Кибрика / Под ред. М.А. Даниэля, Е.А. Лютиковой, В.А. Плунгяна и др. СПб., 2014. С. 217–231.
27. Циммерлинг А.В. Предикаты состояния и фактивность // Вопросы филологии. 2014. № 3–4. С. 52–60.
28. Циммерлинг А.В. Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния. URL: <https://mpgu.academia.edu/AntonZimmerling> (дата обращения: 13.11.2015).
29. Babby L. Subjectlessness, External Subcaterization, and the Projection Principle // Journal of Slavic Linguistics. 2002. Vol. 10. P. 341–388.
30. Franks S. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford, 1995.
31. Kibrik A.E. Beyond Subject and Object: Towards a Comprehensive Relational Typology // Linguistic Typology. 1997. № 1. P. 279–346.
32. Kratzer A. Stage Level and Individual Level Predicates // The Generic Book / G. Carlson & F.J. Pelletier (eds.). Chicago, 1995. P. 125–175.
33. Kniazev M. A theta-theoretic account of the distribution of sentential complements. The case of Russian *čto*-clauses // Proceedings of ConSOLE XX. Leipzig, 2012. P. 105–129.
34. Kondrashova N. The Source of Modality in Russian Dative-Infinitive Structures // SLS 2007 Meeting (August 22–26). Berlin, 2007.
35. Lavine J. Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 2. С. 91–106.

36. Mel'čuk I. Syntactic, or Lexical Zero // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39. М.–Вена, 1995. С. 169–206.
37. Mel'čuk I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again // Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е. Кибрика / Под ред. М.А. Даниэля, Е.А. Лютиковой, В.А. Плунгяна и др. СПб., 2014. С. 169–216.
38. Moore J., Perlmutter D. What Does it Take to Be a Dative Subject? // Natural Language and Linguistic Theory. 2000. № 18. P. 373–416.
39. Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” // Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 2013. P. 225–246.
40. Sigurðsson Halldór Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // Natural Language and Linguistic Theory. 2002. № 20. P. 122–135.
41. Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Studies in Generative Grammar 55. Cambridge, 2003.
42. Zimmerling A. Zero Lexemes and Derived Sentence Patterns // Meaning-Text Theory 2007: Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory: Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 69. Wien, 2007. 457–466.
43. Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure / G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds.). Frankfurt-am-Main – Berlin – Bruxelles – New York – Oxford – Wien, 2009. P. 253–268.
44. Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // Dialogue 2013. Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 12 (19). P. 723–737.
45. Zimmerling A. Sentential Arguments and Event Structure // Dialogue 2014. Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 13 (20). P. 710–727.